52

2
Библиотека

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

1930 г.
№2
З И Ф

Очерки **Александра Сытина** Рисунки худ. **В. Щеглова**

I

Голубая клякса. — Шапка не валится. — Дикари на озере. — Ослиные уши. — Турксиб наступает. — Базар в Караколе.

На карте Небесные горы изображены темно-коричневой краской. Внутри коричневого хвостатого пятна — продолговатая голубая клякса.

Много лет под ряд мне приходилось проверять на деле коричневый цвет карты, и теперь, когда я вижу коричневую раму вокруг голубого пятна Иссык-куля, то невольно голова поднимается кверху. Коричневая краска такая темная, что я уже знаю: горы такие — задирай голову, чтобы шапка валилась — не ошибешься. А голубое? Где-то там, наверху — озеро, как чаша на столе. А если эту чашу прольет землетрясение и голубое пятно расплывется по хвостатому коричневому? Ведь здесь везде ущелья!

Мои мысли становятся практическими. Пятно-то еще не расплылось, но как я до него доберусь — вопрос. Лезу в записную книжку, подсчитываю сколько у меня денег и захлопываю книжку. Киргизская республика тянется во все стороны по темнокоричневым пятнам. Я много лет собирался здесь попутешествовать. Кой-что об этой стране я уже знаю, но очень мало: только то, что киргизов всегда путают с казаками. Казакстан занимает долинное пространство. Все выгоревшие степи от Оренбурга и почти до Ташкента принадлежат Казакстану. В Ташкенте я уже был. Летом поезд почти трое суток тащится по выгоревшим пустыням, и вагон снаружи так накаляется от солнца, что нельзя дотронуться рукой — обжигает. А теперь я поеду иначе. Вот перед Ташкентом станция Арысь — здесь я поверну в Киргизию. Я доеду до Фрунзе (теперь это столица Киргизии), а там уже близко хвосты коричневого пятна.

Доберемся и до голубой кляксы. Только проехать на тот конец голубого озера до Каракола (бывшего Пржевальска), и я достигну Небесных гор. Многие хребты выше Монблана. А названия какие! Кизыл-су (красная вода), Кунгай-алатау (хребет полуденного солнца), Терскей-алатау (хребет пестрых теней)...

Горы—голые, белые и желтоватые, без одной травинки, высохшие от вековечной жажды,—обступили со всех сторон дорогу, заваленную сугробами пыли. Горы так похожи одна на другую, что теряется всякое впечатление от езды, и кажется, что фургон часами топчется на месте. Неожиданный поворот — и перед вами огромное прохладное синее пространство Иссык-куля. Потом показывается поселок — Рыбачье. Жалкие глиняные лачужки растянулись вдоль берега. Они похожи на разбросанные комья глины. Снега здесь не бывает. По обе стороны озера видны снеговые горы, но зимние метели проходят стороной, а здесь воют неистовые песчаные бури. Они заносят поселок холмами песка.

Эге! Вон пароходная пристань. Отлично! Вон белый нарядный пароходик. Отсюда он еле виден — такой он маленький. Дальше на телеге не поеду. Хватит с меня. Трое суток вытерпел. Обоз останавливается около постоялого двора.

Через два часа я поднялся по игрушечной лестнице на крохотную палубу. Уже вечерело. Воинственно просвистел тоненький свисток парохода, и мы тронулись в путь. Мы будем в Караколе утром. На этом пароходике сто пятьдесят человек пассажиров, да в трюме несколько

тонн груза. Пароход везет железо, стекло, материю.

Вправо и влево видны снеговые горы. Они как будто поднимаются из воды. Берегов не видно. Впереди—края не видно. Голубая клякса оказалась ста пятидесяти километров длиной. Вот тебе и клякса! Глубину мерили, да бросили, и никто толком ничего не знает. Говорят, метров до ста глубины, а местами больше.

Вода за бортом стала сине-черная, а ледники гор загорелись красными, желтыми, зелеными огнями. Стемнело, и горы исчезли. Лучи закатившегося солнца касались только ледниковых вершин. Льды как будто висели в воздухе. Были они продолговатые, как облака, и сперва трудно было их отличить от облаков. Но синие тени среди оранжевых и малиновых огней выдавали скалы, на которых лежали гигантские массы снега и льда. Эти ледниковые гиганты очевидно и составляли ту самую коричневую рамку на карте вокруг голубой кляксы, которую я видел в Москве. Они огромны. Но шапка у меня не валится, так как до ледников напрямик по воздуху добрых сто километров.

Как приятно отдохнуть от телеги!

Прохладный чистый воздух и мерный шум пароходного винта располагают ко сну. Отправляюсь в свою игрушечную каюту и засыпаю...

Раннее утро. Впереди виден берег и тополя. Можно подумать, что пароход подвергся нападению дикарей. Нас окружают со всех сторон лодки, наполненные голыми вопящими людьми. Дикари и дикарята в одних трусах. Они что-то кричат, машут руками, смеются и пытаются брызгать на нас водой. Лодки сильно качает волной от парохода, но дикари не боятся, они подплывают все ближе и орут. Они перебудили всех пассажиров.

Кто-то с кем-то здоровается. Черные дикари машут платками. Мы проезжаем, а лодки поворачивают к берегу. На берегу, будто шапки, разбросаны киргизские юрты, но киргизов нет и в помине. Это—курорт. Здесь отдыхают рабочие и служащие. Горный воздух, солнце, соленая вода в озере исцеляют даже умирающих; больным привозят сюда даже кумыс.

Я разочарован. Столько дней ехал и увидел юрты, населенные европейцами!

Кто-то тронул меня за плечо. Оглядываюсь. Рядом стоит киргиз, одетый по-европейски, только на голове войлочная шляпа, обшитая внизу по краям черным бархатом.

— Вы в первый раз здесь?

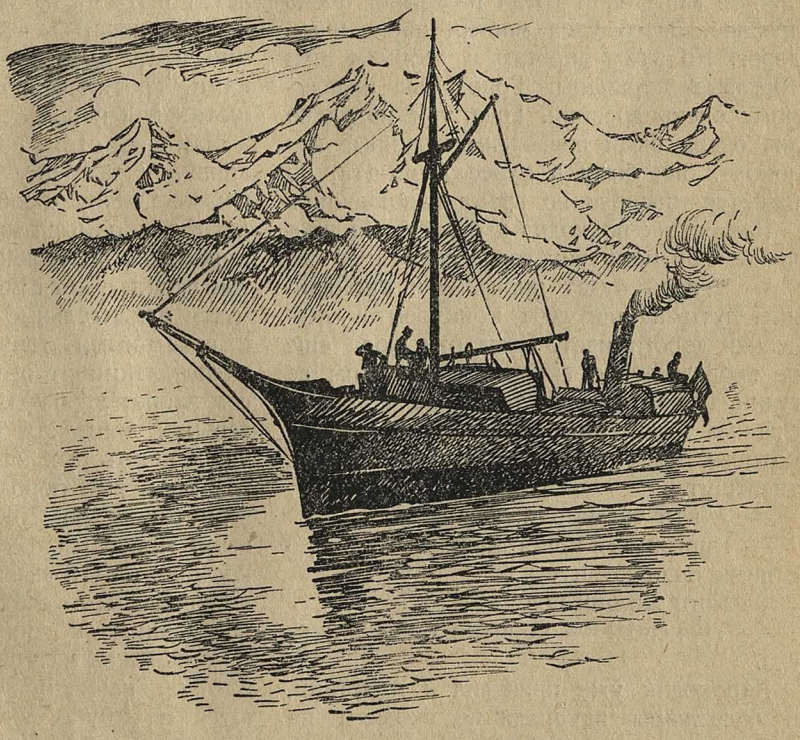
— Да.

— Вот посмотрите туда, где курорт на берегу. Это место называется Кой-сары. [1]) Здесь некогда был город, потом он затонул. Хотите послушать легенду?

— Пожалуйста, расскажите.

---

[1]) Кой-сары (по-киргизски) — баран желтый.

Теплоход «Пионер» на озере Иссык-куль.

— В этом городе царствовал хан, но все цирюльники, которые брили хана, пропадали без вести. Наконец исчезли все цирюльники: очевидно их убивали. Остался только один. Когда хан вызвал его для бритья головы, цирюльник упал на колени и стал просить пощады: «Я никому не выдам твоей тайны!». Хан пожалел этого цирюльника и отпустил. Тайна душила цирюльника. Тогда он пошел к одному мудрецу посоветоваться. Мудрец ему сказал: «Если ты не сможешь хранить тайну, ночью прокричи ее в колодец. Только не забудь закрыть крышку, а то из колодца пойдет вода и затопит город». Цирюльник послушался. Ночью он долго кричал в открытый колодец: «У нашего хана ослиные уши, только я один знаю, что у нашего хана ослиные уши!» Цирюльник радовался, что освободился от тайны, и забыл закрыть крышку колодца. Колодец тоже не мог хранить никакого секрета. Ночью из его жерла хлынула вода и затопила весь город.

— Позвольте! — воскликнул я. — Но ведь это греческая легенда об ослиных ушах царя Мидаса!

— Совершенно верно, — подтвердил незнакомец. — На отмелях находили различные монеты, и среди них были очень древние. Здесь узел многих караванных дорог. По этим дорогам и тропкам шли торговые караваны. Город был повидимому очень древний. Года три назад со дна озера были извлечены чугунные колокола, они были в музее Алма-ата, но кажется погибли во время наводнения..

Пароходик подходил к берегу. На прощанье мой попутчик гордо сказал:

— Теперь будет иначе. Эти караванные пути нашли себе конкурента. Железная дорога идет. Пока она сюда еще не вторглась, но скоро мы услышим ее гудки. Строят дорогу такие же черные и сильные люди, как те дикари в лодках, которых вы только что видели. Манапы трепещут.

— А кто такие эти манапы?

— Киргизская аристократия. Вы скоро с ними познакомитесь.

— Кого же они боятся?

— Турксиба! — коротко бросил киргиз.

Пароходик уже причалил к пристани, и пассажиры затопали по сходням на берег.

Каракол — крохотный городок, состоящий из маленьких беленьких домиков. Только один или два дома в городе — двухэтажные. Останавливаюсь в чай-хане. На площади — базар. Разноязычный говор гудит весь день.

В чай-хане одинаково радушно встречают всех. Проворно, почти бегом, разносят пельмени, плов, кавардак. Редиска, разрезанная в лепестки, залитая китайским уксусом, зеленый накрошенный лук и блюдо истолченного в порошок красного перца подаются в виде приправы.

Русский крестьянин ест рис палочками с ловкостью заправского китайца. Старый нищий, полдня простоявший у дверей и собравший тридцать копеек на обед, важно садится за стол, и ему подают так же быстро, как и всем остальным. В углу пляшут крестьянки под гармонику. Самое удивительное — это повар. Я никак не мог сразу понять, что он делает. Оказалось, что он месил тесто. Он хватал его, взмахивал обеими руками, и все тесто от этого рывка вытягивалось в длинную колбасу. Повар махал руками, и тестовая колбаса, все больше вытягиваясь, быстро носилась вокруг него. Я все ждал, когда колбаса оборвется и вылетит в грязь, на улицу, но не дождался. Второй повар делал пельмени и щелкал ими в ладонях, как беспризорный ложками. Третий варил их на огромных решетах над паром.

Чай-хана стоит на возвышении, и сразу внизу, у дверей — бешеная толкучка. Сквозь толпу пробираются всадники и дети с коромыслами. На каждом конце коромысла подвешены на веревочке круглые чашки с кислым молоком. Важно топчутся медлительные верблюды с гордыми и печальными глазами. Покрывая шум толпы, закричит осел или рыдающим басом заорет верблюд. Сквозь толпу на маленьких лошадках пробираются киргизки. У некоторых на голове намотаны огромные белые тюрбаны величиной в перевернутое ведро. Косы увешаны серебряными монетами. Бывает и так: в конце косы болтается связка ключей. За спиной всадницы часто едет ребенок. Маленькие, привязанные к спине мамаши, держатся ручонками за материнскую шею. Дети побольше, начиная лет с трех, устраиваются на крупе лошади и держатся за спину всадницы. В гуще толпы невозму-

тимо сидит старенький узбек в очках и что-то читает.

Брожу по улицам. Финотдел. Киторгсырье. Больница. Школа. А вдали — пустынные далекие горы. Они очень далеко отсюда. Может быть дальше чем Москва, потому что до Москвы гораздо легче добраться.

На площади — базар. Разноязычный говор гудит весь день.

II

Над пропастями. — Местничество. — Контрабандный опиум. — В гостях у манапа. — Бесплатные слуги. — Голодные жеребята. — Я становлюсь мухой. — Я превращаюсь в слона.

Я выехал вместе с двумя студентами—агрономом и медиком. Агроном ехал разузнать положение дел с нашествием саранчи. Медик должен был доставить в дальний аул мазь против чесотки. Наш путь лежал через перевал Корнулен. Четыре дня мы ехали по раскаленному песку мимо чахлых бедных деревушек. Местами кочевники-киргизы осели на землю. К жилищу они привыкают постепенно. Около домиков стояли юрты. Некоторые кочевники поселились в сенях. Комнаты еще пустуют. Иные заняли только первые комнаты, поближе к выходу. Домом овладевают медленно, осторожно, входят в него как в капкан. Дом не выпустит, придется жить на одном месте. Недалеко от домов — робкие небольшие посевы.

На пятый день дорога круто пошла в гору. Холмы поднимались все чаще и выше. Спуски и под'емы стали круче. Снеговые горы надвинулись и поднялись чуть ли не до зенита. Ледяной пронзительный ветерок охватил нас, и я в первый раз по-настоящему почувствовал близость Небесных гор. Лошади качают головой чуть не до колен, будто кланяются на каждом шагу — настолько крут под'ем. Стало холодно, и мы надели ватные халаты. Мы переночевали в полуразрушенной глиняной хижине и до рассвета тронулись вперед.

Вот оно, начинается! Рядом с густой травой лежит снег. Необычайные сиреневые цветы перемешиваются с ослепительно желтыми подснежниками. Появился эдельвейс.

Внизу зашумела река. Тропа нырнула вниз и побежала в нескольких метрах над рекою. Одинокие редкие сосны торчали по бокам ущелья. Колючие, серебряные, лохматые кусты загораживали дорогу. Слева круто подымалась стена ползу-

чего щебня. Справа открылась голубая пропасть. Там глухо и непрерывно шумела Нарын-дарья.

Каменная утоптанная тропа внезапно прорвалась как плотина, и щебень устремился широким каменным ручьем. Лошадь Османкула (так звали медика) отчаянно забилась и еле успела перебежать по лавине гравия. Прежде чем я успел опомниться, моя лошадь последовала за Османкулом. У меня хватило смысла не мешать лошади. Кое-как мы вырвались на тропу. Лошадь была вся темная от пота. Я оглянулся. Гравий дробно стучал где-то внизу по утесам, но течение щебня уже прекратилось. Мелкие камни сами закупорили дыру в тропе.

Выехав на ровное место, расседлали коней и пустили их пастись.

— Не бойтесь, не убегут никуда, — сказал Османкул. — Людей кругом на двести километров нет. Здесь лошадь от человека не уйдет.

Осмакнул — круглолицый юноша с нежно оранжевым румянцем на щеках и блестящими зоркими глазами. Просвещенец Ахмед — бледный, болезненный, надорванный работой. Я огляделся. Пышная трава была залита пестрыми цветами. Я увидел несколько ирисов.

— У вас они только в садоводстве растут, — улыбнулся Ахмед. — А тут как начнется, на несколько километров бывает. Надоест даже.

Мы сняли халаты, разостлали попоны и решили позавтракать. Мои товарищи взяли пустой мех, Ахмед положил в него несколько комков сухого как камень овечьего сыра и всыпал две пригоршни поджаренной, грубо смолотой пшеницы. Османкул сбегал к роднику и принес воды. Потом оба стали встряхивать мех. Вода бухала бубном. Куски сыра стучали как камешки, пока не растворились.

— Вот джарма, — сказал Ахмед, наливая мне чашку. Он положил мех на колени и ждал, пока я выпью. — Это будничная пища бедняка киргиза. Только без сыра.

Мы не спеша пили джарму, курили, болтали. Трава была такая пышная, что разостланные халаты поднимались горбом.

— Я хочу кое-что рассказать вам о Киргизии, — сказал Ахмед.

Я насторожился. Ахмед достал карандаш и на плоском большом камне сделал рисунок.

— Киргизы живут, как вам известно, в юртах. Каждое место в юрте имеет такое же точное назначение, как комната в европейской квартире. Вот этот большой круг — киргизская юрта. Место у входа внутри называется «эрге», а место напротив входа — «тёр». Тёр — почетное место. Там сидят манапы и богачи. На тёр всякого не посадят. Кружками разной величины я обозначил богатство и власть, которые имеют люди, сидящие в юрте. Тот, кто сидит на тёре — манап. Рядом с манапом — его родственники, они обозначены кружочками поменьше; сидящий

Внизу — глубокая пропасть, где глухо шумит Нарын-дарья.

у входа человек равняется мухе. Это — простой пастух. Конечно, этот порядок установлен манапами. Видите, сбоку я нарисовал реку. Исток реки тоже называется тёр. Значит жизненный путь всякого человека к почетному месту в юрте так же труден, как путь против течения в горной реке. Поэтому каждый проводит жизнь на своем месте у огня, в какую бы юрту его ни пригласили. Следующее место, ближе к тёру, он получает как награду. Манапы родятся, живут и умирают на тёре. Это их трон, так сказать.

— Местничество! — воскликнул я.

— Ну да, — подхватил Ахмед. — У вас, русских, оно было при Иоанне Грозном, а у нас оно есть еще и сейчас. — Лицо Ахмеда потемнело, и он с гневом добавил: — Но этому скоро конец. Мы перевернем эту палку другим концом, и тёр будет там, где сидят пастухи, женщины и собаки...

Мы подвигались быстрым галопом, и слышен был только шелест высокой травы, стегавшей лошадей по ногам. Когда мы поднялись на холм, я невольно остановил коня. Большое поле было сплошь покрыто огромными цветами мака. Каждый цветок был с чайную чашку. При ярком солнечном свете цветы горели золотыми, белыми и синими огнями. Стебли были около метра высотой, и при легком ветерке цветы плавно раскачивались.

— Это опийный мак, — нахмурясь, сказал Османкул. — Тайный посев. Тут должны стоять столбы с фамилией владельца, но их что-то не видно.

— Расскажите пожалуйста, в чем дело, — сказал я.

Османкул слез с лошади и направился к опийному полю. Я последовал за ним. Мы обошли поле кругом. На другом его конце мак уже отцвел. Появились коробки крупнее грецкого ореха. Я заметил что на головах мака были темные крохотные кусочки, похожие на смолу.

— Это затвердевшие капли. Это и есть опий, — сказал Османкул. — Вот, смотрите. — Он сорвал один стебель, потом достал из-за пояса нож и слегка надрезал головку мака. Из пореза выступило белое молоко. — Маленьким ножичком, похожим на серп, надрезают головки мака. За ночь сок затвердевает. Наутро сборщик отправляется на поле, собирает крупинки и кладет их по одной в кружку, висящую у него на поясе. Это очень кропотливый и тяжелый труд. Человек как маятник нагибается над головками мака. Дни бывают жаркие. Слышите, как пахнет от поля.

Сырым дурманом било в голову. Голова слегка кружилась. Студенты поговорили о чем-то между собой и, оглядываясь по сторонам, быстро пошли к лошадям.

— Надо удирать поскорее, — быстро сказал Османкул.

Мы сели на коней и километра два неслись вскачь. Османкул снова заговорил:

— Тут недалеко, километров за сто живет один крупный манап. Наверно это дело его рук. Если мы встретим контрабандистов, то они нас убьют. Наша страна богата, но манапы сидят на теле республики, как древняя язва. Они упорно делают тайные засевы и продают контрабандой опий для курения. Большей частью они отправляют опийное тесто в Китай. Там этот товар сбывается легко, и на этом наживаются большие деньги.

Ахмед замолчал, а Османкул, быстро и волнуясь, продолжал:

— Бедняки-пастухи, работая у манапа, не получают и десятой доли того, что платит кооперация, когда принимает урожай. Вторая выгода манапа в том, что он не мешает своим работникам курить опий и пить его с водой. Несчастные, пристрастившиеся к опию, уже не люди, и манап делает с ними что захочет. Барыши от контрабанды манапы получают огромные.

— Что же вы теперь будете делать?

— Как доедем до исполкома, скажем, чтоб приехали и выкосили поле. Только местами в исполкомах тоже манапы сидят, — с горечью добавил Ахмед.

— А как его косить? Поле не маленькое, работы сколько потребует.

— Нет, это очень легко, — весело ответил Османкул.—Возьмут длинный шест, оба конца привяжут к лошадям... Как проедут по полю, — цветы хрупкие, — сразу все стебли будут переломаны...

— Джайляу, — коротко уронил Ахмед.

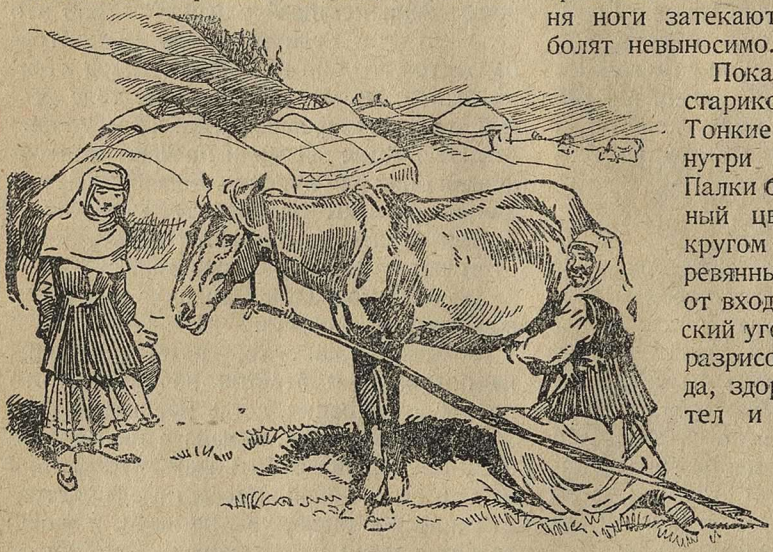
— Наконец-то! — воскликнул я.

Три чистые нарядные юрты из белоснежного войлока поднимались на траве. Мы медленно приблизились. Навстречу с

громким лаем бросились собаки. С ними целая куча детей. Девочки лет восьми-десяти путались в длинных до пят ярко красных платьях. Несколько мальчишек в сапогах и длинных узких халатах бежали впереди.

У девочек на грязных руках поблескивали широкие серебряные браслеты, а волосы на голове были заплетены в тоненькие косички. Косички были обвешаны серебряными монетами и звенели на каждом шагу. С визгом, криком и лаем толпа детей и собак приблизилась к нам.

Из юрты вышел человек. Мы под'ехали. Человек поздоровался с нами, и я невольно отступил на шаг. Невдалеке паслось огромное стадо баранов, юрта была большая, богатая, но встретивший нас человек был худ и изможден до последней степени. Его желтоватое лицо было покрыто глубокими резкими морщинами, хотя он не был стариком. Глаза были жалкие, замученные и мутные. Одет он был в халат, заношенный до цвета золы, и рыжие сапоги, насчитывающие не меньше десяти лет верной службы.

Старая женщина, приставив к боку кобылы шест, стала доить.

Человек поднял полог юрты. Я нагнул голову и шагнул вперед. Навстречу мне поднялся толстый как шар старик в пестром халате. Посреди юрты был очаг. Свет проходил в отверстие в потолке. Со мною вошли Османкул и Ахмед. Старик обошел кругом очага и опустился на подушку против входа. Я понял, что передо мной манап. Старик несколько минут смотрел на нас, чтобы определить кто из нас старше по положению. Бледный и худой Ахмед произвел на него впечатление. Киргизы верят в то, что образование высушивает человека до костей, а потому наш хозяин посчитал Ахмеда старшим.

— Садитесь, — любезно сказал он Ахмеду, показывая на левую сторону от себя. Потом еле слышно буркнул мне: — Садись.

Османкулу старик просто кивнул головой и показал глазами на место у двери. Мы уселись в ряд слева от старика, и мои товарищи поджали под себя ноги. Я уже пробовал сидеть таким образом, но у меня ноги затекают через пять минут и болят невыносимо.

Пока товарищи говорили со стариком, я осматривал юрту. Тонкие выгнутые палки изнутри поддерживали войлок. Палки были выкрашены в красный цвет. В рост человека кругом всей юрты тянулся деревянный переплет. Направо от входа повидимому был женский угол и кухня. Деревянные разрисованные чашки и блюда, здоровенный чугунный котел и расписные железные подносы были развешаны на сучковатом столбе. Столб повидимому заменял в хозяйстве посудный шкаф. Позади нашего хозяина поднималась целая гора сундуков и шелковых одеял.

Яркие одеяла, ковры, стены юрты, раскрашенные цыновки и двери — все это зеленое, красное, желтое. От пестроты рябит в глазах. Посреди юрты, вокруг очага — мокрая и заплеванная трава; здесь моют руки и сюда же плюют когда кому захочется. В этом жилище — как на кладбище: везде трава.

Хозяина зовут Мавлят. Он не спрашивает кто мы, куда едем — это неприлично. Но его маленькие заплывшие глазки смотрят пронзительно и враждебно.

В юрту один за другим входят несколько пастухов. Один из них начинает разводить огонь в очаге, другой возится с чем-то в углу. Я спрашиваю Мавлята: зачем и откуда у него столько слуг. Мавлят сердится и отвечает, что это вовсе не

слуги, а его кровная родня, которую он очень любит. Вот это — троюродный племянник его тети, а это — четвероюродный брат. Только все они люди бедные, а тут все принадлежит ему, Мавляту: коровы, лошади, бараны, верблюды, юрты. Мавлят этих людей жалеет, поэтому он кормит их и не прогоняет. Но задаром он их не может кормить, и поэтому они работают.

— А жалованье вы им платите? — спросил я.

— Я еле их могу прокормить, а если жалованье буду платить,—Мавлят постарался изобразить испуг на своем лунообразном лице, — то сейчас же разорюсь.

Разговаривая, Мавлят любит оттопыривать свои короткие пальцы, потом загибать их по одному и считать. Ему кажется, что так будет убедительнее. Когда мы здоровались, я с некоторым страхом пожал ему руку. Пальцы у манапа как будто налиты жиром, и кажется, что при пожатии из-под ногтей потечет жидкое сало.

Мавлят растопырил пальцы.

— Один пасет коней. Он гуляет целый день и ничего не делает. Ему нельзя давать больше одной лепешки хлеба в день. А хлеба у меня нет. Поэтому он, его жена и дети пьют джарму. Второй пасет баранов—это то же самое. Женщины на зиму готовят сыр, но я его ем не один, они тоже его едят. За что я им буду платить?

— Вы можете зажать сразу все пальцы в кулак, — сказал я, — и вместо того чтобы считать, просто сказать, что они все у вас в кулаке, вы их держите вот так! — и я протянул крепко сжатый кулак. — Эти люди работают для вас день и ночь бесплатно. Но вы сделали очень хорошее дело...

Оба студента расхохотались, и Ахмед закончил вместо меня:

— Мавлят! Ты сделал хорошее дело. Ты так собрал пастухов вместе, что если они когда-нибудь тебя выгонят, у них сразу готовая коммуна будет.

Мавлят от гнева весь налился кровью, как колбаса. Я вышел из юрты, чтобы посмотреть пастбища.

Шагах в пятидесяти от юрты стояла легкая деревянная загородка. Внутри загородки крохотные жеребятки, привязанные к колышкам, ржали тоненькими детскими голосами.

Мавлят бережно взял старика под локоть и усадил на место.

Издали послышался такой топот, будто во весь опор скакал большой отряд. Я оглянулся. К юртам несся табун лошадей. В одну минуту они примчались к загородке и остановились. Старая киргизка с темным, будто медным лицом и огромной белой повязкой на голове медленно и важно стала загонять кобылиц в отгороженное место. Лошади послушно входили одна за другой и бежали к своим жеребятам. Жеребята принялись их сосать. К киргизке пришли еще несколько женщин помоложе и стали отгонять кобыл, чтобы жеребята не высосали все молоко. Старая женщина взяла длинный шест с петлей на конце, накинула петлю ближайшей кобыле на шею, приставила к ее боку шест и стала доить. Очень скоро она принялась за следующую. Я подошел совсем близко к загородке и увидел, что удой был в одну-две чашки, не больше.

— Доить надо раз семь-восемь в день, — сказала мне одна из женщин.

Когда подоили всех кобыл, старая киргизка медлено сняла одну жердь с изгороди, и весь табун вихрем перелетел через оставшуюся нижнюю жердь. Лошади во весь мах понеслись на пастбище и зашумели по высокой ровной траве.

Выдоенное молоко женщины отнесли в юрту Мавлята и вылили в огромный

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СССР

кожаный мех, похожий на большой гриб. Из его широченного горла торчала палка. Изготовление кумыса — привилегия мужчин. Я подошел ближе и посмотрел. Сосуд был расшит цветными нитками, киргиз взял палку и долго болтал ею, сбивая кобылье молоко.

— Завтра прокиснет, будет хороший кумыс, — сказал он.

— Нехорошо, — возразил я. — Почему весь кумыс отнесли только в юрту Мавлята? Вы такие же люди, как он. Надо было разделить поровну на всех.

— Это нельзя. Он хозяин, — испуганно косясь на Мавлята, отвечал пастух.

— У маленьких жеребят все молоко берут, оттого лошади такие слабые и плохие, — сказал Ахмед. Мавлят, не дав ему договорить, испуганно замахал руками:

— Без кумыса как жить будем? Сейчас жарко. Кумыс пить будем — хорошо будет.

Этому лодырю с заплывшими кабаньими глазками наверно было жарко. Весь он был покрыт толстым слоем жира как ватным одеялом.

Не желая спорить с Мавлятом, я пошел ко входу и уселся там, рассматривая музыкальный инструмент. Струны на нем были жильные, а коробка как у мандолины. Гриф очень тонкий и длинный.

— Если ты там сидишь, зачем со мной разговариваешь? — нагло сказал Мавлят.

Я сперва ничего не понял, потом вспомнил об'яснения Ахмеда и невольно рассмеялся. Очевидно я устроился там, где обычно сидят бедняки-пастухи. Я продолжал соображать. Значит, чем ближе буду я сидеть к Мавляту, тем более я буду в почете.

Пока я думал, Мавлят продолжал говорить так нагло и спокойно, как будто он поймал нето вора, нето обманщика, которого хотел усовестить:

— Ты со мной говорил про кумыс — не надо кумыс пить, говорил про жалованье — зачем я жалованье не плачу. Говорил, что люди для меня очень много работают. А ты кто такой? — На лице Мавлята гнев сменился презрением, и он докончил совсем мягко, как хорошая толстая барыня, которая не очень обижает прислугу и старается ее воспитать:

—Сидишь там, сиди и молчи.

Рассмотрев инструмент, я молча встал, сделал несколько шагов и сел рядом с Мавлятом. Манап задохнулся от удивления.

— Мавлят, — серьезно сказал я. — У меня в Москве каменная юрта, и рядом тоже моя, и еще рядом — тоже моя, и через дорогу тоже моя. Я очень, очень богатый человек.

Я соврал, не сморгнув глазом. Студенты хохотали, схватившись за живот, но Мавлят отчасти мне поверил. Он подумал, что они смеются над ним потому, что он сразу не догадался, что приехавший русский, без оружия и без портфеля, наверно явился покупать баранов, а беднячком прикидывался, чтобы купить подешевле.

Только в театре я видел, что у человека так быстро меняется лицо. Мавлят смотрел так жалобно, будто собирался заплакать. Потом подобострастно закивал головой, растянул как мог жирные щеки в приветливую улыбку и вкрадчиво заговорил:

— Ты такой большой человек, научи меня пожалуйста, как платить налоги. Я тебе два барана подарю.

Я молчал.

— Лошадь подарю, — быстро накинул Мавлят и продолжал: — Приезжает сюда такой, налог берет, ой-бой-бой! Научи, куда баранов спрятать. Последний раз председатель совета приехал, взял моих двух племянников в русскую школу. А моего сына не взял. Если всех в школу будет брать, мой сын без пастухов останется. Что сделать надо? Научи пожалуйста? А?

Мавлят, не вставая, схватил меня за руку, словно он тонул и молил о спасении. Я хотел отвечать, но Мавлята словно ветром сдунуло. Нагнувшись, в юрту шагнул новый гость — старик с длинной седой бородой. Мавлят с необыкновенной легкостью вскочил с места, начал что-то бормотать, прижимая руки к груди, потом бережно взял старика под локоть, провел и усадил его на свое место. Очевидно это был манап гораздо более богатый, чем сам Мавлят. Старик сел на место Мавлята.

Манапы разговорились. Пока они жали друг другу руки, желали здоровья и говорили о дорогах, юрта стала наполняться людьми. Пастухи в острых шапках и

пестрых халатах входили один за другим. Они здоровались со стариком, потом с Мавлятом и усаживались там, где им указывал Мавлят. Чем ближе к тёру, тем были лучше одеты люди, и лица были у них красные, толстые, а чем дальше к выходу, тем худее были лица, а на одежде все больше заплат. У входа уселся человек, который нас встретил.

Около огня, посередине юрты, стояли медные кувшины с водой—черные, закопченные, с необыкновенно изогнутыми носами и ручками. Один из сидевших ближе к двери встал, взял кувшин с теплой водой, большое деревянное блюдо и полотенце. По очереди, начиная от двери, он лил каждому воду на руки и подставлял деревянный таз. Все сидели, поджав под себя ноги. Ахмед повернулся ко мне.

— Это скорей обряд, чем мытье рук. Моют без мыла. Всю зиму не моются. Грязно мы живем, скверно!

Мы «вымыли» руки. Слуга начал подавать деревянные блюда с огромными кусками вареного мяса, от которого шел пар. Все жадно набросились на еду. Ели руками.

В юрте было очень тесно. Сидели вплотную, локтями друг к другу. Но вот у входа появилась женщина, потом другая, третья. Я вспомнил — они доили кобылиц. Кто-то из пастухов протянул старухе - доильщице полуобглоданную кость. Старуха принялась грызть ее, усевшись на корточки. Остальные сидели и смотрели, как едят мужчины. Старуха бросила голую кость наружу. У входа в юрту дежурили голодные собаки и ждали костей. Слышно было, как одна из них хряпнула кость, раскусила ее как волк, громко чавкнула и проглотила. Потом огромные свирепые псы подняли драку. Кто-то вышел из юрты, чтобы их разнять.

— Ахмед, — тихо сказал я. — Дайте этим женщинам хоть по куску мяса. Что за безобразие!

Ахмед встал и, не обращая внимания на гневные взгляды соседей, храбро зашагал к дверям, дал каждой женщине по куску мяса и вернулся на место.

— Несчастье!.. Позор!.. — пробормотал он, садясь.—Там, у входа снаружи— толпа голодных женщин и детей. Наверно они целую неделю ничего не ели, кроме джармы, и теперь запах мяса привлек их сюда. Здесь происходит не обед, не ужин, — с горечью пояснил он,— а распределение мяса. По обычаю седой старины, сохранившемуся доныне, туша барана делится на почетные куски для мужчин и куски для женщин. Например, хвост — одна из самых скверных частей — отдается женщине. Кроме того — об'едки с общего блюда. Женщины и дети всегда голодны. Они не приносят пользы манапу, и потому он их не кормит.

Кони прыгали с уступа на уступ и не могли остановиться.

— Знаете, Османкул, я начинаю ненавидеть эти слова: манап и обычай, — сказал я.

— Потому мы оба и приехали сюда, чтобы бороться с манапами и с обычаями, — смело и твердо в один голос ответили оба студента. И я с невольным уважением посмотрел на них.

III

Снежный июль.—Дикие горы.—Перевал Койлю. — Скрытые сокровища. — Опасное место. — Горный каток. — Привычка. — На лошадях по каменной лестнице. — Вскачь по щебню. — «Силь».

Мы заночевали в ложбине. Перед рассветом нас разбудил Османкул. Мы оседлали лошадей и тронулись вверх по горной тропе. Тропа, засыпанная камнями, крутой лестницей пошла прямо вверх. Когда рассвело, пошел снег.

— Не правда ли, прохладный июль?— улыбаясь, сказал Ахмед.

Копыта лошадей зачавкали по грязи. Тропа была сплошь завалена острыми камнями. Лошади иногда проваливались между камней, спотыкались и падали на колени. Мы ехали гуськом.

Дикие скалы—со льдом, черные, ржавые, покрытые изморозью—громоздились впереди. Поднявшийся ветер в одну минуту разогнал тучи. Отдельные легкие облака проходили рядом со скалами. Легкие тени от них окутывали утесы, и налет инея на камнях сверкал серым серебром.

Только теперь я понял, что такое Небесные горы. Горы уходили вниз ступенями, такими большими, что на каждой поместилась бы целая деревня со всеми посевами. Далеко внизу все было затянуто туманом. Белый как молоко, он затопил всю местность. От сильных порывов ветра кони покачивались и упирались. Видно было как туман волнуется и клубится под порывами бури. Вершины других горных хребтов казались отсюда невысокими. Иногда из белого молока выступала острая вершина горы, потом туман волнами захлестывал ее.

Вправо, вверху, совсем близко от нас виднелись сплошные сугробы снега.

— Вот перевал Койлю, — сказал Османкул.

Снег и грязь под ногами коней были черного цвета. Я присмотрелся внимательно, потом слез с лошади. Это был каменный уголь, вся гора была из каменного угля! Грязные черные сугробы снега громоздились кругом нас, пока мы пробирались по невылазной грязи.

— Жалко уходить отсюда! — воскликнул Османкул.

— Почему? — спросил я.

— Ведь это каменный уголь. Внутри горы конечно при таком давлении могут быть алмазы. Мы с удовольствием променяли бы их на тракторы.

Мы поворачивали из стороны в сторону между грязными черными горами снега. Где-то зашумел грозный водопад. Мы увидели его на одном из поворотов. Вода от талого снега, пробиваясь сквозь сугробы, образовала гудящий водопад и опять с шелестом, напоминающим движение саней по мокрому снегу, скрывалась где-то под сугробами.

Лошади стали проваливаться в снег. Мои товарищи, ехавшие впереди, оставляли следы: узкие глубокие ямки. Сугробы громоздились со всех сторон метров на десять в высоту. Потом стало еще хуже. Мы пробирались под нависшими скалами, сплошь покрытыми снегом и льдом. Снег таял, и миллионы капель звенели где-то вверху, внизу, со всех сторон. Нас поливало дождем под каждой скалой, и мы очень скоро промокли насквозь.

— Здесь нельзя кричать, — шопотом сказал мне Османкул. — Иногда бывает, что даже крик производит достаточное сотрясение, и целая глыба льда может сорваться...

Действительно, каждую минуту мы слышали глухой короткий удар и шелестящий шум обвалов.

Наконец мы выбрались. Прямо перед нами открылось ледяное поле, и я невольно закрыл глаза. Ветер подмел, как метелкой на катке, весь снег, и оно сияло ослепительным светом, как огромное зеркало. Студенты слезли с коней. Лед был такой скользкий, что ноги лошадей раз'езжались во все стороны.

— Это поле — самое узкое место перевала Койлю, — сказал Ахмед.

Мы очень медленно тронулись вперед, держа лошадей на поводу. Раза два-три лошади, поскользнувшись, со всего маху боком брякались об лед, и тогда втроем мы их поднимали. Вскоре мы увидели ручей. Он был совсем небольшой, но оба студента перебрались через него с величайшей осторожностью, и лица у обоих были испуганные. Переправившись, Османкул вытер пот со лба и сказал:

— Это очень плохое место; когда вода идет по дну, она раз'едает лед и уходит в глубь. Внутри ледника образуется пу-

стота, и никогда нельзя знать, выдержит вас лед или нет.

Дороги давно уже не было, несколько дней. Я удивлялся, каким образом, мои товарищи знают, куда надо ехать, но они каждый раз отвечали мне одним и тем же словом: «Привычка!».

Пересекли ледник, начались утесы из красного гранита. Между ними были проходы, коридоры, которые поворачивали вправо, влево, разделялись, пересекались. Казалось, что мы плутаем в развалинах кого-то колоссального здания. Но вот наконец мы выехали из каменных коридоров и остановили коней. Вниз открывалось огромное пространство. Далеко под ногами видны зеленые горы.

Вдруг по оврагу прокатился большой водяной вал. Берег дрогнул под напором бешеной воды.

Первым тронулся вниз Османкул, потом Ахмед. Я подумал, что Ахмед упал. Он вдруг провалился куда-то. Уверенный, что студент упал и разбился, я заторопил коня, подскакал к месту предполагаемой катастрофы и... у меня заняло дух. Мои приятели спускались чуть ли не по отвесной круче. Однако рассуждать было некогда. Я откинулся всем телом назад, вцепился одной рукой в ремень позади седла и последовал за товарищами. Мы добрались до площадки и остановились. Теперь перед нами был почти отвесный обрыв километра в полтора. На отдельных выступах серых скал виднелись белые царапины и выбоины.

Кони прыгали с уступа на уступ и не могли остановиться. Мимо нас снизу вверх скачками двигались кусты, камни, цветы, колючки. Иногда снизу дул ветер. Тогда особенно сильно чувствовалась бездна, и каждый толчок при прыжке лошади казался мне последним. Я сцепил зубы и, стараясь ни о чем не думать, упорно смотрел на луку седла. Один раз глянул на уши лошади. Увидел далекие, внизу зеленые горы — и сразу почувствовал легкую тошноту...

Наконец мы спустились. Я посмотрел вверх—и, снова у меня закружилась голова.

— Скорей, скорей! — твердили товарищи. Они стали гнать измученных уже коней вскачь по сплошному острому щебню. Я оглянулся назад, наверх: там, где были красные утесы гранита, повидимому бушевала метель. Спустились в крутой овраг, смаху вынеслись на другой берег и остановились.

Отдаленный гул приближался и рос. Кони беспокойно запрядали ушами. Вдруг по оврагу прокатился большой водяной вал. Берег дрогнул под напором бешеной воды, и овраг сразу наполнился больше чем до половины.

Так всегда бывает в теплые солнечные дни: снег быстро тает, и вода идет горой. Такое наводнение называется «силь».

Мы слезли с коней и пошли пешком.

(*Окончание в следующем номере*)

XI 195/52

2

Публичная Библиотека имени В. И. Ленина С.С.С.Р.

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

1930 г.
№ 3
ЗИФ

Очерки **Александра Сытина** (*Окончание*) Рисунки худ. **В. Щеглова**

IV

«Той» [1]) — грабительский праздник. — Сколько у манапа верблюдов? — Улак — кровавый спорт. — Дети-жокеи. — В дымном шалаше у пастухов. — Обманутый пастух.

Мы устали невыразимо, но продолжали спускаться до самого вечера. Какими приветливыми показались нам огни юрт. Незнакомые люди поздравили нас с благополучной дорогой, заботливо ввели в юрту и уложили на одеяла. Нам дали холодного кумыса, чаю и груду киргизского печения. Маленькие — величиной в наперсток — кусочки теста были зажарены в сливочном масле.

— Кушайте, пейти чай,—приветливо сказал старик.—Скоро будет мясо. Сегодня у нас всего много. Людей много с'ехалось. Завтра будет той.

Поужинав, все вышли из юрты. В горах быстро темнеет, и пока мы пили чай, наступила ночь. По всему пастбищу пылали костры. Красное пожарное зарево дрожало в темном бархатном небе. Вокруг костров суетились люди. Бегали дети. Носились собаки.

— Что это они делают? — спросил я.

— Угощение готовят, — отвечал Османкул. — Завтра будет той. Советская власть с этими праздниками борется. Это праздник для манапов. А для бедноты— не праздник, а одни слезы. Это—грабительское угощение.

Я ждал об'яснения.

— Идемте в юрту, мы все очень устали, отдохнем,—сказал Османкул.

— Мы вошли, поудобнее улеглись, и мой спутник начал рассказывать:

— Вы уже видели, что пастухи зажаты у манапов в кулаке. Не даст есть, и конец. Кругом пустынные горы. Уйти некуда, работу искать негде. Но иногда манапу кажется недостаточным, что пастухи работают на него и день и ночь. Тогда он об'являет праздник по случаю какого-нибудь семейного торжества. В горах слухи разносятся с такой же быстротой, с какой у нас пересылаются телеграммы. Манап режет десять-пятнадцать баранов, вот как сегодня. С'езжается много людей. Бывает несколько тысяч. Каждый манап поменьше приводит с собой в подарок скот, взятый у своих пастухов: кто верблюдов, кто коня, кто двух-трех баранов. Получается так, что хозяин зарежет десять баранов, а получит сто, да еще несколько верблюдов, да целый десяток лошадей.

— А сколько у богатого манапа бывает скота?—спросил я.

Ахмед хихикнул, Османкул улыбнулся. Потом улыбка его делалась все шире, и наконец он расхохотался.

— А вам для чего?—спросил он.

— А не все ли равно, для чего?—сердито ответил я.

— Вот в том-то и дело, что не все равно. Если сведения собираются для налога — у манапа пятьдесят баранов; если манап начнет подарки собирать, он об'явит, что был падеж скота, он разорился и у него осталось только двадцать баранов. А когда манап вздумает продать только часть, то оказывается, что у него для продажи имеется восемьсот баранов.

— А перепись скота нельзя разве устроить?

— Очень трудно. Во-первых, манап кочует. Уйдет к самой границе Китая, спрячется в ущельи... Найдите его!.. А то еще проще: разделит скот, разгонит в

---

[1]) Той—семейное торжество.

разные стороны с пастухами, а сам будет сидеть как сирота. Вы же первый приедете и пожалеете его за бедность.

Меня разбудили очень рано. По всему полю слышался крик. Я вышел из юрты. Толпа всадников металась по полю. У одного из них на седле была туша козла. Одна группа всадников отнимала у другой тушу. Кто-то из толпы об'яснил мне, что выиграет та партия игроков, которой удастся пронести тушу три раза вокруг поля. Конная толпа человек в двести неслась во весь опор. Поле было ровное, но местами из земли выступали торчки каменных утесов. Головоломная скачка была крайне опасна, но на это никто не обращал внимания. Участники игры вошли в азарт. На всем скаку они отнимали тушу козла и били друг друга плетями. Каждая удача сопровождалась дикими воплями, которые подхватывала толпа зрителей.

Человек пять-шесть, борясь за тушу, вырвались из общей свалки и далеко опередили преследующих. Их кони распластывались в беге, прижав уши к голове и вытянув шеи. Сзади закричали, загомонили, и один из всадников догнал наездника с тушей. Схватив тушу обеими руками, он стал вырывать ее у победителя. В следующее мгновение одна из лошадей покатилась по земле; преследовавший вылетел из седла и остался недвижен на траве. Поле ухнуло. Несколько человек побежали к бедняге, но игра не прекратилась. Наездник был в глубоком обмороке. Изо рта у него шла кровь...

— В середине все разбил, умрет наверно. Проклятая игра! Вы знаете, она во всей Средней Азии принята. А хуже всего то, что существует суеверье, будто умерший на улаке сразу попадает в рай.

Османкул долго рассматривал раненого, потом пожал плечами и отошел прочь.

— Если бы меня позвали, я тоже играл бы. Отказаться невозможно. Скажут—трус... Поедем смотреть новую игру.

Мы поскакали по лугу к толпе киргизов.

Под'ехав к толпе, мы остановились. Первый раз я увидел коней, подобранных по возрасту всадников. Взрослые люди на конях, юноши на стригунках, дети на жеребятках и, наконец, малыши лет трех-четырех на крошках чуть побольше теленка. Ребята кричали, пищали, а их маленькие кони ржали такими же тонкими детскими голосами. Ребята вытянулись в одну линию, потешно проскакали шагов двести наперегонки, потом рассыпались и вернулись.

А в стороне толпа готовилась к чему-то серьезному. Там было несколько великолепных рослых коней. Их держали под уздцы. Там же толпились дети лет от шести до десяти.

— А зачем тут эти малыши?

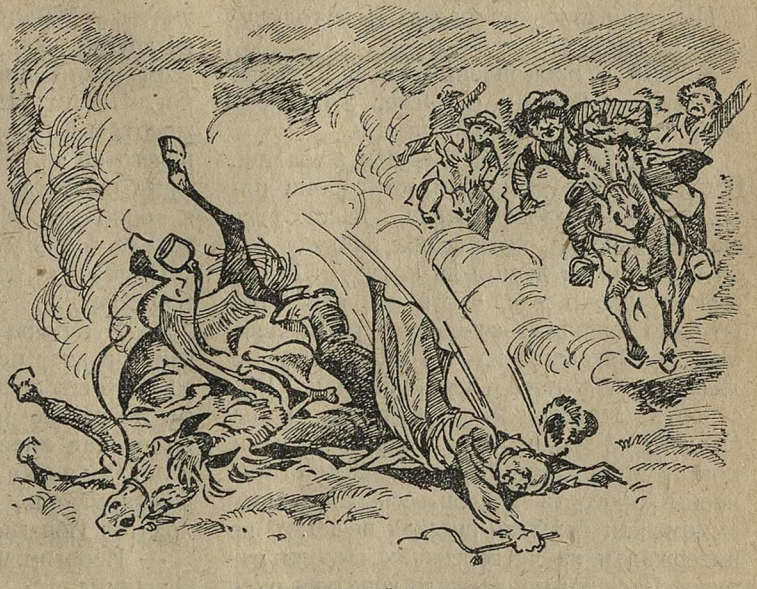
— Они будут скакать. Чтобы лошадям было легче, сажают не взрослого, а ребенка, при этом без седла.

— Так ведь они разобьются насмерть! Лошади полудикие.

— Да, на них зря не ездят. Берегут для байги.

— А призы будут?

— Да, конечно. Бедность, нужда делает смелым. Но лошади, разумеется, принадлежат не родителям этих детей. Эти ребята—сыновья бедных пастухов. Боль-

Преследовавший вылетел из седла.

шую часть приза победитель отдаст за пользование лошадью. Хорошо, если один баран останется... Скачка сегодня большая, на тридцать километров.

У некоторых ребятишек воинственно торчало за ухом перышко, а волосы были заплетены в косички. Это — первенцы в семье.

Толпа загомонила, закричала. Детей подняли и посажали на коней. Кто-то пронзительно закричал. Десятка полтора коней, управляемых детьми, рванулись карьером, и через минуту вся ватага исчезла за холмом.

Неожиданно Ахмед остановил коня.

— Вон там, видите?

Я ничего не видел, хотя вглядывался очень внимательно. Османкул тоже остановился.

— Скверно,—пробормотал он.—Одна, три, пять! Лошади идут вереницей.

Мои спутники переглянулись и свернули в сторону. Я последовал за ними.

— Я боюсь, что это контрабандисты. Они обычно ездят гуськом. Если мы встретимся с ними, они нас убьют, чтобы не было свидетелей.

Мы спустились в овраг и некоторое время ехали шагом, оглядываясь по сторонам. Ахмед осторожно выглянул из оврага и рассмеялся:

— Это пасутся лошади. Впереди—жеребец, старший в табуне, поэтому лошади идут за ним.

Мы, выбрались из оврага и натолкнулись на пастуха.

Черный и прокопченый пастух смеялся, сверкая белыми как снег зубами, и звал отдыхать к себе в шалаш.

Мы слезли с коней и вошли в шалаш. Пастухов было два: один лет сорока пяти, другой—молодой парень. Рассмотрев шалаш, я понял, почему оба пастуха были прокопчены дымом до костей. Шалаш был настолько мал, что в нем еле можно было выпрямиться во весь рост. Леса кругом не было на сто километров, и лишь кое-где попадался кустарник. Выстроить деревянную хижину было не из чего. Шалаш был покрыт сырыми конскими кожами. Когда развели огонь, чтобы разогреть чай, он весь наполнился дымом, как большая русская печка. Я не выдержал и на четвереньках выполз наружу. Пастухи продолжали возиться около огня. Когда костер разгорелся, я вернулся в шалаш и стал разглядывать пастухов. Старший из них усердно раздувал огонь, а молодой сидел неподвижно, спрятав лицо между колен. Потом медленно заговорил:

— Мы живем как в тюрьме. Наши пастбища отделены одно от другого снеговыми горами и глубокими пропастями. Чтобы проехать в долину, надо иметь коня и пищу на несколько дней. Мы пасем целый табун коней, но здесь нет ни одного моего коня. А воровать я не хочу, мне стыдно. Может быть через год или через два года манап даст мне коня и седло. Тогда я поеду в долину и узнаю про одно важное для меня дело.

Пастух постарше тихо сказал:

— Не обращайте на него внимания, у него голова не совсем в порядке. Только не мешайте ему говорить, а то он будет очень сердиться.

Молодой человек заговорил снова:

— Не очень далеко от нас—километров двести—два года назад собрались пастухи. Им сказали: возьмите бедных детей и пришлите в совет. Они будут учиться. Их будут одевать, кормить, им дадут очень хорошую юрту, каменную. Они поедут в Москву. Работать они не будут, а будут только учиться. Я самый бедный у своего манапа. У меня нет ни отца, ни матери. Есть только дядя.—И он кивнул головой на старого пастуха.— Поэтому бедняки сказали, чтобы я ехал учиться. Манап позвал меня в гости, а на другой день я заболел. Кумыс был совсем нехороший. Такого кумыса я никогда не пил. Целый месяц у меня болел живот, и я пил только одну воду и почти ничего не ел. Потом через несколько месяцев приехал один пастух и сказал, что я опоздал. Мои товарищи уже давно уехали. Меня учиться не возьмут...

Помолчав немного, молодой пастух продолжал:

— У манапа был сын по имени Ибрагим. Он враг простых пастухов, и не надо было его посылать учиться на их деньги. Но он внезапно исчез, и я думаю, что он поехал вместо меня. А мне дали яд, и потому я был болен. Сколько я ни спрашивал манапа, я не мог узнать, где находится Ибрагим...

— Ибрагим чей сын?—хрипло спросил Османкул.

— Сын Халибека, из рода Дженьгенчи,—отвечал пастух.

— Я слышал про него. В прошлом году его уволили из школы, потому что он попал туда неправильно,—сказал Османкул.

Молодой пастух вскочил.

— Где он? Я сяду на чужого коня, но буду искать его, пока не найду.

— Я не знаю, где он,—отвечал Османкул.—Но ты можешь поехать с нами, рассказать свою историю...

Да, ты поедешь учиться в Москву и займешь в шко-

Старший из пастухов усердно раздувал огонь, а младший сидел неподвижно.

ле место, которое у тебя украли. Только я хочу знать, правду ли ты говоришь. Как тебя зовут?

— Худай-Берде, сын Мумына,—отвечал юноша.

Дрожащими руками Османкул полез за пазуху и достал бумагу.

— Вот свидетельство о твоей болезни и смерти. Эту бумагу прислал в школу твой манап. Школа долго тебя разыскивала. Прежний предволисполкома поставил сюда печать. Он тоже был манап, как ты знаешь.

Молодой пастух заплакал. Нам долго пришлось его успокаивать. То он хотел сжечь ненавистную бумагу, то сейчас же ехать, чтобы найти и убить Ибрагима.

Когда поспел чай и Османкул начал рассказывать о Москве и о школе, я умудрился найти уголок в шалаше и заснул.

V

Перевал Бедель. — Новые люди. — Швейная машинка на тере.—Мулла на плакате.— Киргизский пионер. — Жизнь у костра.— Перетянутые жилы. — Поганые щетки. — Вплавь через реку. — Киргизы на кочовке. — Мазь дошла по назначению. — На железную дорогу.

Целый день мы потратили на то, чтобы перевалить снеговой хребет. На этот раз мы чуть не ослепли. Снег сверкал так, что глаза резало. Темных очков у нас не было. Османкул обрезал у лошади конец хвоста и засунул его спереди под шапку. Получилась занавеска. Я попробовал сделать то же самое, но тут же убедился, что напрасно обкарнал хвост своему коню. При каждом шаге коня, при малейшем ветерке конский волос трепыхался, рассыпался по всему лицу, и мелькающее сверканье резало глаза как ножом. Я ничего не видел, глаза разболелись еще хуже, и я бросил конский волос в снег.

Когда перешли ледник, неожиданно из-под снега потекла жидкая красная глина, и мы как сумасшедшие пронеслись с полкилометра чуть не по колени в грязи.

— Это называется оплывина,—растолковал Османкул.—Глина под талым снегом проквашена как тесто. Иногда от тяжести нескольких всадников она стекает в пропасть и увлекает за собой людей и лошадей.

— Я вам очень благодарен, что вы всегда меня пугаете после, когда мы уже проехали,—сказал я.

— Еще скажите спасибо, что ни разу в безвоздушную яму не попали. Тютек называется. Бывает так: солнце пригреет, пар подымется, последний воздух с собой унесет. Видите—мы и сейчас еле дышим. А то человек сразу с коня падает. Черный делается, как чугун. Воздуха нет. Если товарищ протащит его шагов десять—ничего, опять воздух есть. Чтобы сразу не задохнуться и не остаться на месте, надо жевать что-нибудь горькое. Слюна спасет от судороги в горле, если попадете в тютек...

После полудня начался спуск, веселый, быстрый и безопасный. Гора была крутая, из сплошного щебня, но внизу не было ни пропасти, ни реки, и мы стали смело спускаться. За нами, шурша, ползли груды щебня. Лошадь, приседая на зад-

них ногах, делала один шаг и вместе с гравием с'езжала на два метра. Далеко внизу виднелись опрятные юрты, похожие на крошечные грибы.

Таких юрт я еще не встречал. Прежде всего я увидел швейную машину. На тёре, на священном тёре стояла табуретка! На ней была швейная машина, а перед табуреткой на корточках сидела киргизка и шила. На голове у нее не было белого накрученного узла, похожего на ведро. Я протер глаза. Как бы отвечая на мой взгляд, киргизка улыбнулась и сказала по-русски:

— Тут удобнее, я и села работать. Здравствуйте, входите пожалуйста.

Она поздоровалась со всеми нами за руку и вышла. Я успел заметить, что на ней были не сапоги, а ботинки. Товарищи смотрели на меня и посмеивались. Быстро вошли два мальчика, одетые по-европейски, и хлопотливо стали возиться с чем-то в углу.

— Матери помогают. Это хорошо,— сказал Ахмед.—Места здесь глухие, мальчишка считается старше своей бабушки. Ничего не делают, растут лентяями. Только смотрят, как женщины работают.

Через несколько минут хозяйка вернулась с чайником. Я не мог дольше сдерживать своего любопытства.

— Скажите пожалуйста, — коварно спросил я,—здесь наверно богатый аул и наверно мулла есть. Я очень хотел бы его видеть.

Несколько секунд женщина смотрела на меня с таким изумлением, будто я хотел повидать мамонта. Потом рассмеялась и протяняла руку:

— Мана [1]).

Я увидел плакат, нарисованный от руки. Мальчишки метлами гнали муллу.

— Муллы нет!—закричал мальчик из угла.—Мы пионеры. Мулла нас учил, что земля плоская как лопата, а солнце и луна висят на гвоздях. Он говорил нам, что когда идет дождь, то ангелы бросают воду по одной капле, чтобы не затопить землю. Он все врал. Мы узнали это в советской

Я увидел плакат, нарисованный от руки.

школе. Земля круглая, а дождь идет оттого, что пар!

— Не понимаю,—сказал я, обращаясь к женщине.—Почему на других пастбищах ничего этого нет? Там поголовно все неграмотные.

Я не закончил. Османкул вскочил на ноги, женщина замахала руками. Вялый и всегда спокойный Ахмед забегал по юрте. Оба мальчика кричали о чем-то как сороки, перебивая друг друга, а взрослые все вместе так быстро заговорили, что я ничего не мог понять. Османкул кричал по-русски, остальные по-киргизски. Так продолжалось с полминуты. Наконец все опомнились, переглянувшись, засмеялись и замолчали.

Я спокойно сидел и ждал, что будет дальше. Теперь говорил только один Османкул:

— Хорошая дорога — это все. Если я возьму и веревкой перетяну вам палец, да так навсегда и оставлю, что будет с вашим пальцем?

— Болеть будет, потом гнить начнет и отвалится в конце-концов, — терпеливо отвечал я.

— Почему? — настойчиво допрашивал Османкул.

— Потому что не будет доступа крови. Не будет питания—ясно.

— Правильно. Так вот: дороги — это жилы в теле государства, а горные хребты — веревка, которой перетянуты жи-

---

[1]) Мана—вот.

лы. Для Киргизии нужно питание. Это питание — товары. Теперь, попробуйте подвезти через Койлю муку. Гора не пустит вас. Вот почему киргизы голые и босые. Носят они только то, что сами сделают. Второй вопрос. Почему они темные? Да по тем дорогам, где мы с вами ехали, ни один непривычный человек не поедет. Не поедет доктор—будут болезни. Не поедет учитель—останутся неграмотные. Не поедет агроном и ветеринар—будут сеять как дикари, копать землю деревянной сохой, и скот будет больной, скверный. Сложим все это вместе и что получим? Бедное, нищее, некультурное население.

Пока Османул говорил, женщина о чем-то думала, и как только студент замолк, она заговорила.

— У нас сейчас школа, больница и совсем недалеко, километров за пятнадцать, почта есть. А то по кольцевой почте письма перевозили. По пять-шесть месяцев приходилось письма ждать.

— Скажите, чем вы занимаетесь?— полюбопытствовал я.

— Я оспопрививательница,—ответила хозяйка.—Мне много учиться нельзя, поздно, старая я. Доктором не буду. А дочь у меня в Москве, в медицинском вузе. Тут один богатый манап на ней хотел жениться, а она не захотела. Учиться поехала.

Заговорил один из мальчиков:

— Некоторые манапы остаются зимой на пастибищах и не уходят в аул. В это время хуже всего приходится сыновьям пастухов. Кругом юрты на два метра насыпи снег — делают это, чтобы было теплее.

Около огня жарко. Огонь горит день и ночь всю зиму, а на войлочных стенах юрты — лед. Вы знаете, что в горах морозы достигают сорока градусов. Откуда только ни повыгнали мулл, они все убежали в глухие дикие горы— к манапам. И живут там. Мулла учит мальчика грамоте так: бьет по рукам. И за пять лет читать не научит.

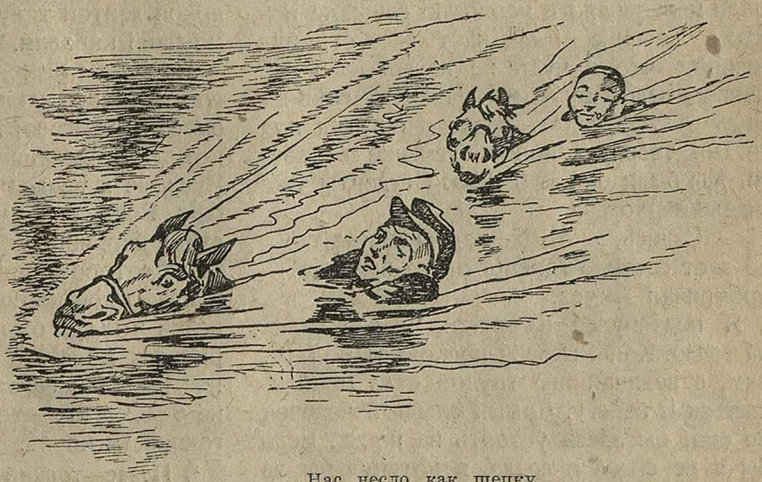
Мальчика перебила его мать:

— Из-за холода ребята все время живут около костра. Многие болеют, умирают, а которые остаются живыми, те неграмотные. Кроме людей в юрте всегда зимуют ягнята. Так что у каждого малыша несколько соседей: один-два ягненка и несколько щенят, которые тоже отогреваются у костра. А если и учат грамоте, то по старому алфавиту.

Старый арабский алфавит! Он был принят у всех народов Средней Азии. Арабские буквы—хвостатые, пишутся в три этажа и похожи на кружева. Запомнить эти буквы невероятно трудно, от них страшно пестрит в глазах. Поэтому грамотными были только манапы и муллы, которые не работали и имели много времени для того, чтобы запомнить эти кривые хвосты и закорючки. Чтобы дать беднякам доступ к грамоте, был введен новый алфавит из простых латинских букв.

— Мы, пионеры, послали зубной порошок и щетки вон туда, за горы,—снова заговорил мальчик.—А там был мулла. Теперь его выгнали. Он сказал: «Щетки сделаны из волоса свиньи, их нельзя в рот брать. Не чистите зубы. Чушка — пога». Мулле поверили и вернули щетки. Теперь один комсомолец поехал с ними разговаривать.

— Вот, говорят, где-то недалеко железную дорогу будут строить,—осторожно, но с надеждой сказала киргизка.—Вы ехали, не видали? Говорят, что один вагон может взять столько, сколько берут двадцать верблюдов.

Нас несло как щепку.

— Да, это правда, — сказал я.

Все стали мечтать о товарах и говорить о железной дороге..

Мы под'ехали к грязной неширокой реке. До другого берега было не больше восьмидесяти шагов, но вода мчалась как по мельничному желобу. Бросили ветку в воду, ветка понеслась и исчезла. Переглянулись. Молча поехали вверх по течению. Время от времени бросали ветки. Наконец, нашли место, где течение было как будто потише.

— Вы поедете в середине,—сказал Османкул.

Что за чортова река! Кони вошли по колени в воду и вокруг них забурлила грязная пена. Еще шаг и сразу оказались по грудь. Лошади накренились, почти легли боком на воду против течения. Седло подо мной ушло куда-то вниз. Я оказался по пояс в воде. Волна рвала меня с седла, оно медленно с'езжало набок. Нас несло как щепку. Кусты, камни, деревья мелькали, как в кино.

Я увидел, что мои товарищи уже не сидят в седле, а плывут рядом с конями. В следующее мгновение мой конь выбился из сил и окунулся с головой. Водяная стена сбила меня с седла как цыпленка. Левой рукой я схватил переднюю луку седла, а правой повод. Теперь вода заливала мне уши и по временам перекатывалась через голову, но коню стало легче, он вынырнул.

Нас продолжало нести, но мы и не думали брать поперек реки. Было ясно, что коней перевернет, и тогда—верная гибель. Мы плыли чуть-чуть наискосок. Лошади нервничали и неохотно слушали повода. Течение было настолько стремительно, что я чуть не лежал на воде. Пальцы левой руки закоченели, вцепившись в луку седла. Вдруг я ощутил под ногами твердую почву. Течение ослабело. Мы были около берега. Студенты уже сидели верхом.

— Садись, а то лошадь испугается и не даст сесть. Утонешь перед берегом!— прокричал Ахмед.

Я подтянулся на руках и взобрался на седло. Конь, скребя подковами по камням, с величайшим трудом стал приближаться к берегу. Самый сильный человек не смог бы здесь устоять на ногах. Если бы я не сидел в седле, я потянул бы за собой коня и сбил его с ног. Медленно, шаг за шагом конь выносил меня на желанный берег.

— Да, — печально сказал Османкул,— Это граница. А для постройки моста у населения денег нет. Бывает, какой-нибудь богач выстроит мост и берет за прогон скота столько, что мостом все равно никто не пользуется.

Расположились на камнях сушиться. Пришлось снять с себя все. Мы долго беседовали, но вдруг послышался рев скота. Торопливо надели мы мокрую одежду, сели на коней и тронулись вперед. Мне хотелось посмотреть поближе, как кочуют киргизы. Быстро поднялись вверх по береговым скалам, и перед нами открылось удивительное зрелище.

Медленным разноцветным пятном с гор ползло вниз стадо скота не меньше чем в тысячу голов. Коровы ревели и пытались разбежаться в разные стороны, но пастухи, бежавшие с боков стада, сгоняли их в один гурт. В стороне от стада ковыляли разрозненным нестройным табуном стреноженные лошади. Оглушительно блеяли бараны. Они шли таким плотным стадом, что их спины, мягкие, пушистые, казались издали сплошным колеблющимся ковром. Ягнята и старые бараны ревели на разные голоса. Крики людей тонули в реве скота.

Лохматые яки шли медленно и хрюкали как свиньи. На их спинах были привьючены колыбели с младенцами. Черные яки, желтые и коричневые верблюды были покрыты цветными пестрыми паласами [1]). На конях, на верблюдах, на быках сидели в ярких халатах люди. Пестрой яркой лентой тянулся мимо нас этот громоздкий караван.

По бокам быков и высоченных верблюдов мотались узлы с имуществом, палки разобранных юрт, огромные чугунные котлы и деревянная посуда и утварь. Впервые я увидел работу сторожевых собак. Рослые лохматые псы шли вокруг стада баранов, медленно, с достоинством, на некотором расстоянии друг от друга. Когда какой-нибудь баран, ошалевший от давки и пыли, охрипший от волнения, вырывался из стада в сторону, ближайший пес рычал и загонял его в круг. Собаки не только сторожили, но и помогали погонщикам коров.

[1]) Палас—тонкий жесткий ковер.

Женщины верхом, в огромных белых тюрбанах, с привязанными детишками за спиной медленно качались в седлах. Лица у них были обветренные, резкие, загорелые. Несколько всадников пестрой толпой проехали мимо. Османкул вступил с ними в разговор.

— Они хотят кочевать ближе к долине. До сих пор они продавали кожу и шерсть одному манапу. А теперь кооператив будет покупать. Кооператив будет платить больше. Но все равно они на этот год выгоду почти потеряли.

— Каким образом?

— Этот манап перекочевал на новое место и перегородил им дорогу. Им со стадами негде было пройти. А манап сказал, что он не позволит задаром топтать траву, на которой пасется его скот. Он долго не пропускал их ни за какую плату. Они стояли в горах со скотом, на плохой траве. И часть скота у них пала. Тогда, доведенные до отчаяния, они отдали ему десять баранов, пять лошадей и трех верблюдов—только за то, что скот пройдет здесь. Дорогой ценой, но эти люди вырвались из плена... Вам наверно известно, — продолжал Османкул, — что киргизы делятся на отдельные роды. Каждый род (если только он слушает своего манапа) враждует с другим родом. Только поэтому старый негодяй, о котором я сейчас рассказал, мог уговорить своих пастухов взять такую огромную взятку со своих же кочевников. А вы знаете главную причину, почему эти люди тронулись со всем скотом в долину? Они идут на постройку железной дороги. На жалованье пастух всегда сможет купить юрту и немного скота, чтобы кочевать летом. Какая удача! Это тот самый род, к которому я вез мазь от чесотки. Я очень рад, что мы их встретили. Мазь я им сейчас отдам. Но теперь они без труда получат нужное им лекарство. Ведь в долине есть больницы. Мазь эта недоро-

Медленным разноцветным пятном с гор ползло стадо скота.

Человек приподнял голову и начал смотреть на носки своих сапог.

гая, но если бы к ним ее привез какой-нибудь спекулянт, он взял бы за нее целого верблюда. А верблюд стоит несколько сот рублей.

Османкул от'ехал и отдал кочевникам мазь. Потом вернулся обратно с сияющей улыбкой.

— Так, я покончил свои дела,—воскликнул он.—Теперь провожу Ахмеда и вас, потом поеду к родным недели на две отдохнуть.

— А мне еще надо узнать про саранчу,—озабоченно сказал Ахмед.

На протяжении всего дня мы встречали разрозненные группы и отдельных всадников-киргизов. На вопрос, куда они едут, киргизы отвечали:

— В Алма-ата.

Студенты радостно смеялись.

— Вы знаете,—сказал Османкул,—на протяжении ближайших пяти лет Киргизия совершенно преобразится. Безработных не будет—такое количество заводов намечено к постройке. Уже сейчас власть манапов рассыпается в прах. Не забудьте, что мы с вами проехали по самым глухим углам...

VI

Посевы среди скал. — Подвесные арыки. — Инженер-самоучка. — Быстрые ребята. — Телега без коня. — В женотделе. — Красная чай-хана.

Неожиданно мы наткнулись на крохотный глиняный домик с крошечными оконцами. Это уже достижение: раньше дома строили без окон. Перед домиком зеленели посевы. Кукуруза выше человека на полметра и поле джугары. Ствол у джугары такой же высокий, как и у кукурузы. На этом стволе висят грозди величиной в два-три кулака. Каждая гроздь сплошь облеплена белыми мягкими зернами. Джугара идет на корм птицам, а когда не хватает пшеницы, из джугары делают лепешки.

Поле было необычайное: длиной в тридцать шагов и шириной в двадцать пять. Среди скал затесался этот крохотный клочок земли, годный для земледелия. Пришлось потратить прорву труда на его обработку. Поле было ограждено каменным забором для защиты посевов от диких кабанов, которые шляются здесь целыми десятками. Глыбы неотесанного камня были искусно сложены в ограду высотой в рост человека. Когда мы приблизились к дому, то увидели еще поля: они шли вниз крохотными разбросанными терасками. Люди использовали здесь малейшую возможность приладить посев среди утесов. Были даже бахчи, засеянные арбузами, огурцами и картофелем. Арбузы были маленькие, зеленые, хилые. Все поля обнесены камнем. На многие поля—вернее полянки—привозили землю на ослах или даже таскали на себе в мешках, из долины. Какой каторжный, нечеловеческий труд!..

Некоторое время мы шагом одолевали под'ем. Вдруг над головой я услышал шум воды и звон капель. В то же время впереди мы увидели толпу киргизских крестьян с тяжелыми заступами, которые здесь употребляют вместо лопат. Все работы на поле производятся этими заступами. Пашут деревянной сохой. Я остановил коня и поднял голову вверх. То, что я увидал, привело меня в восхищенье.

На большой высоте, метров на шесть выше нас, в каменный утес были вбиты колья. На них был уложен сплетенный хворост, камень, песок. По этому искусно сделанному желобу мчалась вода для орошения маленьких полей. Подвесный желоб тянулся не меньше чем на полкилометра. Ахмед об'яснил мне:

— Они собрались, чтобы починить арык. Подстилка стала пропускать воду. Киргизы давно занимаются земледелием, но здесь, в горах, это дело очень тяжелое. Иногда желоба проводят от самых ледников, где зарождаются реки. Едем дальше, посмотрим.

Дальше, где почва повысилась, вода бежала уже не по подвесному желобу, а просто по глубокой канаве, вырытой в земле. Уклон канавы был рассчитан так, чтобы вода своим напором не разрушила подвесного желоба.

Мы под'ехали к толпе киргизов. Они молча стояли вокруг одного человека, который лежал на спине. Ахмед слез с коня, я последовал за ним.

— Вот этот человек,—тихо сказал Ахмед,—показывает, где надо проводить новый ярык. Это, так сказать, водный инженер. Он такой же пастух, как остальные, и при этом неграмотный.

Человек, лежавший на спине, приподнял голову и стал смотреть на носки своих сапог. Толпа земледельцев, окружавшая его, загомонила и почтительно расступилась.

— Он смотрит на носок своего сапога,—продолжал Ахмед,—и замечает известное место на утесах. Потом идет к этому месту и отмечает его на скале. Так схематически намечают всю линию будущего арыка. Проделывают эту работу несколько раз. Затем начинают строить арык.

Лежавший на спине зачем-то помахал рукой. Я стал на колени и пригнулся к самому его лицу. Над самым концом сапога я увидел человека с здоровенным шестом в руках. Он стоял по ту сторону оврага на бугре. Когда мастер, лежавший пластом на земле, помахал рукой, человек с шестом передвинулся в сторону.

— Они хотят провести по воздуху желоб через этот овраг, — сказал Ахмед.

Лежавший на земле человек наконец поднял руку и сказал:

— Вот здесь надо будет проводить арык. Здесь будет хорошо.

Ему помогли подняться с земли, а на его место лег другой, чтобы проверить линию будущего арыка. Закрыв левый глаз, он уставился на конец своего сапога, будто прицеливался.

— Поразительное искусство!—сказал я.—Талантливые люди. Как жаль, что у них нет образования. Какие были бы прекрасные инженеры.

— Ого-го, здорово!

Перед нами лежало огромное срубленное дерево. Все его веточки были обвязаны маленькими тряпками. Красные, синие, желтые лоскутки пестрели на всех ветках. Дерево было старое, в несколько обхватов. И очень твердое—карагач не мягче дуба.

— Наверно целым отрядом рубили,— улыбнулся Ахмед.

Теперь я все понял без об'яснения.

Проезжая через леса, я видел много таких деревьев. Это «святые» деревья. В первый раз за все время путешествия мне пришлось увидеть такое дерево срубленным. Кругом была целая толпа молодежи с топорами и пилами.

— Это очень хорошо, они сделали большое дело,—сказал мне Ахмед.—Манапы очень любят об'являть то или другое дерево святым. Не растет в этой местности определенная порода деревьев—и вдруг выросла. Значит—«святое» дерево! Проезжающие молятся и вешают лоскуток, чтобы их желания исполнились. А комсомольцы его срубили. Дерево очень хорошее. Годится на разную посуду, шкатулки.

Вооруженная топорами и пилами молодежь окружила поваленное дерево.

Мы приблизились и поздоровались с молодыми людьми. Ахмед спросил про саранчу. Комсомольцы оставили работу. Мы все уселись возле сваленного «святого» дерева.

— Мы про саранчу уже слышали и сделали все, что нужно. Тут проезжала одна акушерка, она рассказала, что в трехстах километрах отсюда—залежи саранчи. Мы поехали вот с ним,—бойкий веселый малый показал на другого, тот ухмыльнулся.—Там место глухое, дороги опасные. Туда раз в полгода люди приезжают. О посевах там и понятия не имеют. Говорим, что саранча всю траву пожрет, для баранов ничего не останется. Нам не поверили. Что делать? Пошли мы купаться. Разорвали свои халаты и бежим назад к юртам голые. — «Что такое?» — «А вот, уже вывелась! Халаты пожрала, пока мы купались. Смотрите, выведется вся—и юрты пожрет и вас самих тоже!» Нагнали такой паники, что держись! Отряд человек в пятьсот сразу сорганизовали на борьбу с саранчей. Дня два поработали и—точка! Уничтожили!

— А вот около Каракола комсомольцы отличились, — сказал другой парень. — Кругом Каракола во многих местах ключи есть, горячие, прямо из-под земли бьют. И грязи. Комсомольцы отправили двоих в Ташкент и дали им пробы. Когда пробу исследовали, оказалось—источники очень ценные, лечебные. И грязь тоже. Здравотдел курорт теперь будет открывать. Государству прибыль и наши местные работники с успехом лечиться там смогут.

— В этом году, — сообщил один из комсомольцев, — впервые в экспедицию по кочевьям выехал женотдел. Будут набирать молодежь в вузы и рабфаки. Девчата тоже учиться поедут. А малолетних ребят будут брать в интернат.

Мы распрощались с молодежью и тронулись вниз.

— Куда теперь поедете? — любопытствовали комсомольцы.

— В Москву.

— Ого, расскажите там, что мы работаем!

— И скажите, что мы манапов вовсе не боимся!—задорно выкрикнул самый молодой.

— Расскажу все,—обещал я.

Высокий глиняный забор окружает обширный двор. Во дворе два здания, поодаль сарай. Ворота открыты, в'езжаем на конях. Под сараем сосредоточенно возится около трактора механик. Мы подходим, здороваемся.

— Хорошая машина,—радостно говорит тракторист, похлопывая трактор, как коня.—Когда я приехал сюда, за мной день и ночь ходила толпа. Все просили, чтобы я их покатал. «Что за чортова телега? Без коня едет!» Показал им, как трактор землю пашет. А они, случись, в Наркомземе как раз в это время хорошую землю получили. Манапов повыселили, а ихние участки беднякам отдали. Тут они враз от своих манапов ушли, не посмотрели, что разных родов. А как увидели, что за сила у трактора, так сразу побросали свои заступы и сохи.

— А живете дружно?—спросил я.

— Хорошо живем, дружно,—отвечал тракторист.—Манапов у нас нету, ссориться не из-за чего. Вот только вначале трудно было. Днем полевые работы, а ночью собираемся на заседания. Этих домов у нас не было. Соберемся все в одной каморке, жарко, душно. Уставали дьявольски, засыпали тут же, на полу. А пришло время пахать—еле управились. С помощником по ночам пахали, при фонаре. Ну, а теперь что ж, ничего, на ладу...

— Не правда ли, разница большая между горами и долиной? — спросил Ахмед, когда мы вышли из колхоза.—Долина завоевывает горы. Борьба идет по всему фронту. Вы заметили—чем ниже мы спускаемся, тем культурнее люди. И новая жизнь кипит, как молодое пиво на дрожжах.

Кривые улочки аула. Маленький домик. Вывеска: «Аульный совет». Входим. Земляной пол. Несколько маленьких столиков. Ахмед здоровается с молодой женщиной. У нее слегка дрожит голос. Глаза блестят. Лицо покрыто красными пятнами. Видно, что она разгневана до последней степени.

— Ну, как работаете?—спрашивает Ахмед. Женщина взволнованным, прерывающимся голосом рассказывает нам о своем горе. Ее брат тайно женился на второй жене. Только что на заседании исполкома этот вопрос обсуждался, и она сама настояла на том, чтобы это дело бы-

ло передано прокурору. Мы выразили ей сочувствие. Женщина успокоилась, рассмеялась и заговорила:

— У нас в аулах кругом на четыреста километров новый порядок.—При этих словах женщина показала рукой вокруг себя, как это любил делать Османкул, когда мы бывали на снежных перевалах и он показывал дорогу. Повидимому женщина очень хорошо представляла те пространства, о которых говорила.—У нас девушка, если сама захочет, выйдет замуж. А если не хочет, никто насильно ее не выдаст. Ко мне придет, в женотдел. Я помогу. Теперь даже манапы не смеют женщин бить, знают что им за это будет.

— Скажите пожалуйста,—спросил я,— где киргизской женщине легче жить—в горах или в долине?

— В долине гораздо легче. Мы агитируем мужей, чтобы они в долину переселялись. В горах женщины собирают топливо, готовят пищу, ткут одежду, собирают и разбирают юрту для кочовки. А мужчина или пасет стадо, или вовсе ничего не делает. Заболеют дети... вы не представляете, как трудно ухаживать за ними в юрте. Везде холодно, дует,— одно несчастье. А если есть посевы, то совсем другое дело. Мужчина работает в поле, и обоим—женщине и мужчине— жить легче. Мы организовали ликбез среди женщин. Уже нашли учителей. А самое главное—это то, что мы не позволяем оставлять девочек неграмотными. Смена идет, уже есть студентки, врачи, акушерки, агрономы. Пока все это еще молодое, зеленое, но ничего—подрастут...

Две недели конного бега вниз в долину. Наконец мы в Алма-Ата. Город похож на сплошную ярмарку. С окрестных гор люди собрались сюда для встречи первого поезда. Он пришел два дня назад. Отсюда я уеду в Москву.

Перед от'ездом я вместе с Ахмедом иду в красную чайхану. Здесь вузовцы и рабфаковцы. Скоро начнется учебный год, — им пора уезжать.

— Колхозы растут как грибы, — сказал один из будущих агрономов. — Сейчас у нас около тысячи пятисот колхозов, а к 1933 году их будет почти двадцать две тысячи.

К нам подошел с книжкой в руках один из молодых людей. Все замолкли. Студент начал перелистывать книжку.

— Через пять лет мы будем иметь хлеба и кожи в шесть раз больше. За эти пять лет на юге Киргизии вырастут два кожевенных завода, два лесопильных, цементный, солодоваренный, три маслобойных и много других. Вот, посмотрите.

Ахмед взял у студента книжку и показал мне список фабрик и заводов, занимавший целую страницу.

— Теперь вы понимаете, — торжественно сказал Ахмед, — почему эти люди, которых мы с вами видели, тронулись с гор вниз? Они услышали о пробуждении страны. Октябрьская революция освободила их от манапов. Пастухи пошли в долину, чтобы получить свободный труд и начать свободную, новую жизнь, без унижений, побоев и голода.

Мы пьем с Ахмедом зеленый чай. Он все время говорит о работе, и мне немного грустно. Мне не хочется уезжать из этой страны, где идет такая упорная, победная борьба молодежи со старым окаменевшим бытом. Однако пора. Я обхожу знакомых и незнакомых, прощаюсь со всеми, зову извозчика и уезжаю на вокзал.

XX 19
81

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

1930 г.
№ 5
3 И Ф

Дальние маршруты

ТЯНЬ-ШАНЬ

Очерк Мысовского

Общие сведения.

Горная система Тянь-Шаня расположена в северо-восточном углу Средней Азии, на границе с Китаем. Это высочайшая точка земной коры только на юго-западе смыкается с Памиро-Алайскими хребтами, со всех других сторон ее окружают пустыни и низменности.

Тянь-Шань состоит из ряда параллельных хребтов. Главные из них: Кунгей (с Заилийским Алатау), Терскей и Кок-Шаал-Тау. Центральным для них узлом является массив Хан-Тенгри с высочайшими для всего Тянь-Шаня вершинами и наиболее мощным оледенением.

В других своих частях рельеф Тянь-Шаня сильно запутан Здесь ветер и проточная вода неустанно производят свою разрушительную работу. Размельченные в песок и пыль горные породы переносятся на далекие пространства от мест своего первоначального залегания. Происходит постепенное выравнивание поверхности. Острые вершины округляются и принимают пологие формы, долины покрываются толстым слоем наносного лёсса.

За ними тянутся огромные пустыни, большею частью солончаковые, с однообразной и крайне бедной растительностью.

Вся Арало-Каспийская низменность являлась когда-то дном обширного водного бассейна, который по величине был не меньше Средиземного моря. Его существование приурочивается геологами к меловой эпохе. Горы Тянь-Шаня возвышались в то время в виде широкого скалистого острова. Затем вода постепенно усыхала, площадь, залитая водой, уменьшалась, и к настоящему времени от этого моря остались только отдельные водоемы: Балхаш, Арал, Каспийское море.

Этот процесс медленного усыхания водных пространств продолжается и до настоящего времени. Горные реки несут большое количество твердых частиц, которые оседают на дно и образуют пласты ила. В летний период года происходят интенсивные испарения.

Тянь-Шань является областью закрытых речных систем. Ни одна из рек, берущих начало на его ледниках, не стекает в открытое море (к океану). Часть из них впадает во внутренние бассейны, другие же теряются в песках пустынь.

Общей характерной чертой климата Тянь-Шаня является его континентальность: сухость воздуха и резкие колебания температуры с постоянными движениями воздушных волн, при чем эти условия даже на небольших (географически) расстояниях имеют существенную разницу. Высота местности над уровнем моря и направление ветров являются главными регуляторами климатического режима.

В зависимости от климата распределяется растительный и животный мир. На верхних склонах, ближе к линии вечного снега — сырты — тундровая и альпийская растительность. Здесь постоянны холод и ветер, незначительно количество осадков, выпадающих в виде крупы или снега. Кочевники бывают здесь редко.

На высоте 2000 метров — обширные долины или пробитые течением рек узкие ущелья. Весной и летом эти долины покрыты густыми травами и цветами. Здесь лучшие места для скотоводов (джейляу). В более защищенных котловинах встречаются сенокосы, растет неприхотливый к теплу ячмень и даже рожь и пшеница.

А еще ниже — плодородные равнины, на которых разводятся все виды хлебных и технических культур. Здесь зимовки кочевников и селения хлеборобов-земледельцев.

Тянь-Шань населяют две основные народности: киргизы и казаки (Киргизская АССР и южная часть Казакской АССР). Главное занятие населения — скотоводство и земледелие. Скотоводы (по данным ЦСУ 62% всех киргизских хозяйств) большую часть года кочуют со своими стадами в горах. Отдаленность от культурных центров и почти поголовная неграмотность являются причинами сохранения здесь пережитков, оставшихся от старого патриархально-родового быта.

В земледельческой полосе много русских селений. Крестьяне-переселенцы, пришедшие сюда во время колонизации края, принесли с собою и способы обработки земли, и тип построек, и свой крепкий мужицкий быт.

Условия путешествия.

Тянь-Шань, особенно в своей высокогорной части, доступен только в летние месяцы (лучшее время для путешествия июль—август).

В зависимости от направления маршрута определяется и способ передвижения и характер снаряжения.

Лучше всего путешествовать по Тянь-Шаню верхом, с тем, чтобы от мест стоянок делать боковые пешеходные вылазки. Для дальнего путешествия удобнее всего купить лошадь, а затем по окончании поездки ее продать. В каждом городе есть конский ба-

зар, где можно произвести такую операцию с куплей-продажей. Стоимость лошади зависит от ее качеств. Средняя цена — 100 руб. Более дешевые лошади на Каркаринской ярмарке и в Караколе.

Киргизские лошади выносливы, неприхотливы, спокойны. Их можно смело пускать на остановках даже без особого присмотра. Специальный фураж им не нужен. Подножный корм всюду имеется, за исключением лишь некоторых скалистых ущелий, кстати почти не доступных для верховой езды.

Седло приобрести гораздо труднее. Казачьих (кавказского образца) седел в продаже совершенно нет. Есть киргизские с высоким деревянным сиденьем. Сверху их приходится покрывать свернутым ватным одеялом. Стоят они 15 — 25 руб.

Для продовольствия и вещей следует иметь переметные сумы, которые можно достать на базаре за 3—5 руб. Они прикрепляются сзади седла и очень удобны в дороге. Никаких чемоданов и ящиков брать нельзя: их трудно вьючить.

Одежда должна быть удобная и крепкая: белье и верхнее платье необходимо иметь в запасе. Для защиты от холода (в горах) лучше всего приобрести кожаную или ватную с непромокаемым верхом куртку.

Из общего снаряжения (если едет группа) нужно взять: палатку — достаточно легкую, чтобы при надобности переносить ее на себе, чайник, большую кастрюлю или котелок, дорожный примус. При составлении списка вещей следует предварительно посоветоваться с опытными туристами.

Необходимо в каждое, особенно в дальнее, путешествие брать с собою запас продовольствия с расчетом на весь путь. У кочевников можно достать мясо, кумыс, молоко, изредка сыр (крут). Сухари, сахар, чай, соль и крупу следует брать с начального пункта путешествия.

Кроме с'естных продуктов нужно брать и другие предметы, необходимые в каждой такой поездке: мыло, спички, вазелин, запас ниток и пуговиц, табак, дорожную аптечку. Все эти предметы необходимы не только для себя, но и для обмена на продукты у кочевников.

Для восхождений на вершины и по ледникам следует иметь специальное альпийское снаряжение: ледорубы, кошки, веревку, специальную горную обувь, подбитую бортовыми гвоздями, и т. д.

О том, как пользоваться этими предметами, необходимые сведения имеются в специальных руководствах.

Маршруты по Тянь-Шаню.

Выбор маршрута и в дальнейшем его проработка по литературе и картам — самая важная для туриста задача. Прежде чем путешествовать, турист должен разрешить целый ряд вопросов: куда ехать, какую поставить себе цель, сколько нужно времени и средств. От того, правильно ли будут разрешены эти вопросы, зависит и успех поездки.

По Тянь-Шаню могут быть рекомендованы следующие маршруты:

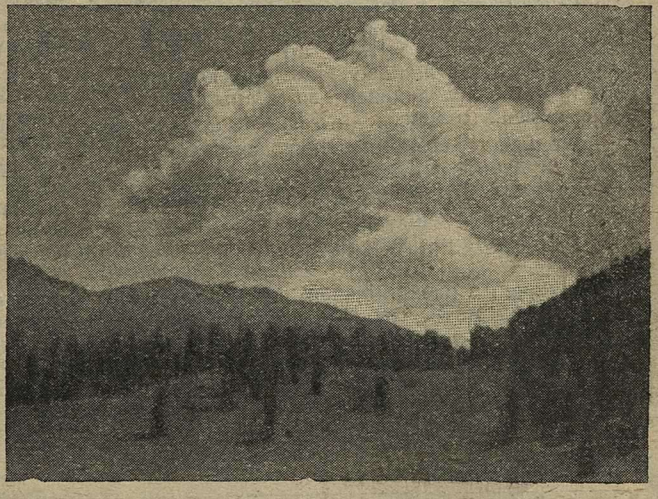
МАРШРУТ № 1: Фрунзе — Рыбачье — Каракол — Каркара — долина Джеланаш — Чилик — Маловодное — Тургень — Алма-Ата.

Маршрут дает столицы двух автономных республик, которые являются в то же время центрами промышленности и культуры. Высокогорное и редкое по своей красоте озеро Иссык-Куль. В районе Каракола — поля опийного мака, осмотр курортов с грязями и минеральными источниками. (Ак-Су, Джеты-Огуз, Кой-Сара). В пути от Каракола до Каркары — хлебные культуры на так называемых богарных полях. Красочная Каркаринская ярмарка. Казакские кочевки. Арычная система орошения. Труд и быт кочевников и оседлого населения.

Проезд: до Фрунзе — по железной дороге (поезд от главной Средне-Азиатской магистрали сворачивает на Семиречье от ст. Арысь). От Фрунзе до Рыбачьего — на автобусе или маджаре. От Рыбачьего — на теплоходе по озеру Иссык-Куль. Дальнейший путь — верхом или пешком. Весь путь от Фрунзе до Алма-Аты требует 16 дней, с остановками на 1—2 дня в главных пунктах.

МАРШРУТ № 2: Фрунзе — Рыбачье — Каракол — Тюп — перевал Шаты — Чилик — Джинишке — Тургень — Алма-Ата.

Повторяя основные населенные пункты первого маршрута, этот маршрут во второй своей части проходит по горному району. Здесь характерные особенности тяньшаньской природы и основательное знакомство с жизнью кочевников — киргизов и казаков. Путь от Каракола до Алма-Аты — пешком.

Вид на Тянь-Шань в долине.

Это займет не больше 10 дней. Вместо Шаты можно пройти другим перевалом — Курмекты. Он несколько труднее, но здесь больше леса. Весь маршрут от Фрунзе до Алма-Аты занимает 18 дней (с остановками).

МАРШРУТ № 3: для высокогорного туризма (альпинизма) лучшим районом является группа массива Хан-Тенгри. В зависимости от состава участников и снаряжения определяется и выполнение той или иной задачи. Здесь остается до сих пор много вершин (до 6—7 тысяч метров), на которых не был никто. Одна из наиболее недоступных — пик Хан-Тенгри (высота 7200 метров).

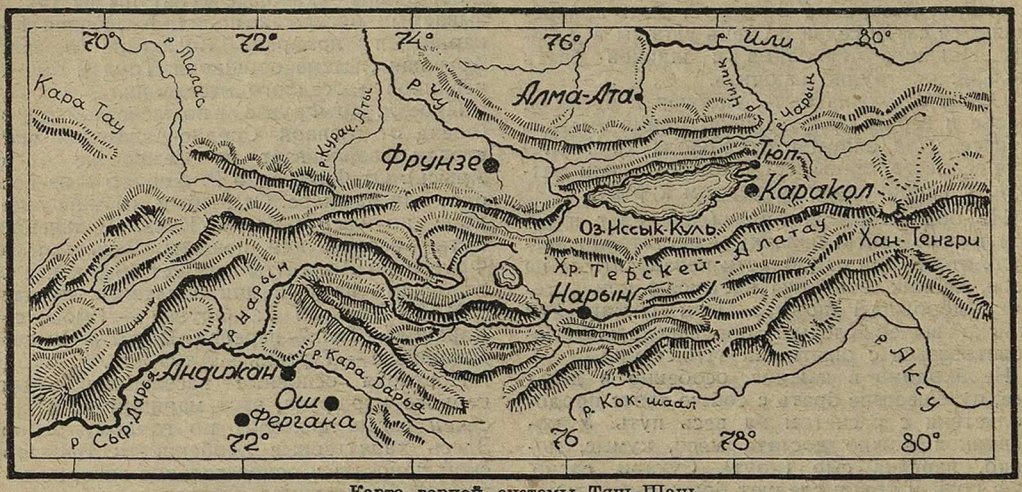
Верховой путь начинается от Каракола или Каркары. Ближайший подход к долине Сарыджаса от Каракола — по ущелью реки Тургень-Аксу и от Каркары — по долине и через перевал Какпак.

В этом маршруте различные способы передвижения: от Алма-Аты до Рыбачьего — пешком, затем по озеру — на пароходе, от Каракола до Каркары — на подводе и дальше — верхом или пешком. Весь путь занимает около 15 дней.

МАРШРУТ № 5: Алма-Ата — Каракол — Покровское — Барскоун — перевал Тон-Нарын — Джелал-Абад.

Маршрут связывает степные просторы Алма-Аты (зерновые культуры) с хлопководческим районом Ферганской долины. В пути — альпийские пастбища, поля опийного мака, каменистые пустынные возвышенности, лес, богатый животноводческий район Нарына. По знакомству с краем и разнообразию впечатлений этот маршрут является наиболее содержательным.

Времени для верхового проезда требуется 23—25 дней.

Карта горной системы Тянь-Шань.

В верховьях реки Сарыджас расположен ледник Семенова, а несколько ниже, в боковой долине Адыр-Тыра, ледник Мушкетова. Наиболее близкий путь к подножью пика Хан-Тенгри — по леднику Инылчек, который находится в следующей за Сарыджасом, более южной долине.

Времени для этой экскурсии потребуется около 20 дней.

МАРШРУТ № 4: Алма-Ата — Алмаатинский перевал — Рыбачье — Каракол — Каркара — Джеланаш — Джамбас — Аксы-Тургень — Алма-Ата.

Путь очень разнообразен, дает возможность ознакомиться со всеми природными особенностями Тянь-Шаня и трудом человека в его разнообразных формах. Необычайно красивые места в горных районах в начале и в конце пути.

Литература по Тянь-Шаню (современная):

Бартольд В. В. — Киргизы (исторический очерк). Изд. Кир. ГИЗ. 1927 г.

Благовещенский А. В. — По предгорьям западного Тянь-Шаня. Изд. «Молодая Гвардия». 1929 г.

Брискин А. В. — В стране семи рек. Очерк Семиречья. ГИЗ. 1926 г.

Кайзер Н. А. — Материалы для истории, морфологии и гидрологии озера Иссык-Куль. Изд. САГУ. Ташкент 1928 г.

Кушнер П. — Горная Киргизия (социологическая разведка). Изд. КУТВ. 1929 г.

Мушкетов Д. И. — Геологические очерки Туркестана. Изд. Академии Наук. 1928 г.

Рыскулов Т. Р. — Киргизстан. ГИЗ. 1929 г.

Шнитников В. Н. (ред.) — Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. УзГИЗ. Ташкент 1925 г.

Ответственный редактор Н. М. Яковлев. Зав. редакцией Вл. А. Попов.

В 1930 г. „Всемирный Турист" является прилож. к журн. „Всемирн. Следопыт".

Издан. Гос. Акц. Изд. О-ва „Земля и Фабрика" („ЗИФ").

Главлит А — 67378. Тираж 53.000 экз. Тип. «Изв. ЦИК СССР и ВЦИК», Москва